

Девять орков погнались за Широном. Остальные две особи наверняка продолжили преследовать группу туземцев, но с таким количеством противников те должны были совладать самостоятельно.

Широн быстро пробежал несколько десятков метров и, как только достиг подходящих зарослей, вдруг остановился.

Когда преследователи увидели, что противник замер, в их глазах мелькнуло самодовольство. Орки решили, что беглеца парализовало от страха, ведь туземцы, на которых они прежде охотились, тоже от страха и осознания тщетности бегства нередко покорно застывали на месте.

Но то, что жертва остановилась, не означало, что её ждёт лёгкая смерть. Орки прекрасно знали, что днём от рук Широноа погибло множество сородичей. И собирались как следует отомстить нахальному человечешке. Вместо того, чтобы убить его сразу, они планировали всласть с ним наиграться.

Только вот прошлый и нынешний Широн – это две больших разницы!

До сих пор Широн был вынужден ограничивать силу из-за того, что на него обращены глаза туземцев. Теперь же его ничто не сдерживало.

ГРОООАР!

Широн сделал жест указательным пальцем, земная кора дрогнула, и из-под неё вырвались четверо герамеков.

Дззанг!

Один из монстров взмахнул длинной лапой, и та столкнулась с двуручным топором орка. Когда двадцатисантиметровые когти встретились с железным лезвием, послышался звон металла и сверкнули искры.

Шууу... Хвать!

Наткнувшийся на топор орка герамек снова взмахнул лапой, но в этот момент рядом мелькнула зубастая пасть второго монстра и впиалась зеленокожему противнику в бок.

Хоть размер головы герамеков не достигал и метра, однако большую её площадь занимала пасть, что могла раскрываться практически на сто восемьдесят градусов. Ухватив добычу, герамек вознёс в воздух почти не уступавшего ему комплекцией орка и с невероятной силой стиснул челюсти.

Хрусть!

«Уи-ии!» – истошно заверещал схваченный орк, почувствовав, как в него вонзаются жуткие зубы.

Но если бы монстры на этом остановились, их не называли бы герамеками. Первый из вступивших в схватку герамек, недовольный тем, что корм увели прямо из-под носа, вонзил шесть двадцатисантиметровых когтей в грудь другого орка, ухватил рёбра и выдрал их.

Треск! – лишившийся части грудины орк, высунув язык, рухнул наземь и испустил дух, а

гермеки устремились к остальным противникам.

Ту-ум! Скользь! – Топоры орков, что были способны валить деревья с одного удара, оказались совершенно непригодны против склизкой, покрытой гноем и странно пахнущей гнилью кожи гермеков. Прочная, словно каучук, шкура поглощала большую часть урона, а лезвия топоров с неё соскальзывали.

Само собой, принимая удары, гермеки чувствовали боль. Большие топоры оставляли на шкурах вмятины и длинные шрамы.

Но подобные вещи заставляли их лишь утробно рычать. Вот в морду очередного противника впились длинные когти гермека и располовинили его. Периодически монстры хватали орков за ноги и втаскивали под землю, вследствие чего оппоненты умирали от удушья.

Четвёрке гермеков не потребовалось много времени, чтобы полностью изничтожить девятих орков. Те изначально не были им соперниками. Пусть те и другие обладали схожим телосложением – гермеки были лишь ненамного крупнее – однако когда они взмахивали своими длинными лапами, орки не переставали вопить от боли.

Хрусь! Хруп! Кусь!

Наиболее ужасной была судьба последнего орка. Гаду пришлось испытать, как четверо гермеков отрывали ему конечности. В туловище вонзались челюсти и жадно отхватывали куски.

Пока гермеки добивали орков и набивали животы разбросанной по округе орчатиной, Широн бросился вдогонку за туземцами. Естественно, не забыв отдать занимавшимся чревоугодием питомцам команду: «После того, как приберётесь здесь, возвращайтесь под землю и следуйте за мной. Не тратьте время на остальных орков!»

Причина, по которой он обманывал туземцев, якобы испытывая трудности в сражении с орками, хотя мог запросто от них избавиться, была только одна – отыскать местоположение руин. И о том, чтобы потерять своих провожатых, не могло быть и речи. Широн бежал изо всех сил, пытаясь нагнать волхва и его товарищей.

К счастью, туземцы вняли просьбе и отмечали свой маршрут надломленными ветками деревьев. По дороге он то и дело наткнулся на мёртвые тела туземцев. Всего двое орков за короткий промежуток успели расправиться с десятком людей.

В принципе, способности туземных воителей были не так уж и плохи. Проблема лишь в том, что этой ночью многие из них были мертвецки пьяны или скованы ужасом.

Поднимаясь по склону, разыскивая надломленные ветви деревьев, он вдруг увидел одного из орков, что, тяжело дыша, привалился к стволу. Из его тела торчало множество стрел – видимо ему пришлось оставить погоню, потому что слишком истёк кровью.

Широн заколебался – стоит ли убить орка или же просто двигаться дальше? Но в итоге всё-таки поднял копьё и вонзил в шею гада.

Шасс!

Наконечник пробил шею навывлет и вошёл глубоко в дерево. Милосерднее было убить противника сразу, чем оставить медленно истекать кровью. Тем более, что тот перед своей

кончиной мог навести на его след других орков.

Когда Широн нагнал группу туземцев, те вели ожесточённое сражение с последним из зеленокожих. Число аборигенов заметно уменьшилось – в живых оставалось лишь двадцать человек, прикрывавших друг друга щитами и с помощью копий державших орка на расстоянии. Из луков уже никто не стрелял – видимо, закончились стрелы.

Противник также смотрелся неважно. Из его тела торчало несколько стрел, кое-где виднелись колотые раны, а по зелёной коже стекала алая кровь.

Сообразив, что если продолжит истекать кровью, победа ему уж точно не светит, орк издал протяжный рёв и ринулся в отчаянную атаку. Аборигены выставили острые наконечники, но противник, не обратив на них внимания, налетел берсерком и врубился топором в обитый кожей щит.

Треск!

Учитывая вес орка, удар был поистине жутким. Топор пробил щит туземца, обшитый промасленной кожей и практически перерубил тело надвое. В процессе этой атаки в орка вонзили ещё три копьё, однако слаженные оборонительные порядки туземцев были нарушены.

Как и задумывал орк, аборигены разорвали кольцо обороны и, издавая панические вопли, рванули в разные стороны.

Теперь оставалось лишь перебить их по-одному!

Цап! – Первым в лапы орка попал тот, кто по причине возраста был наименее проворен – старый волхв.

Надо отдать ему должное, оберегавший старика туземец не сбежал и взмахнул привязанным к предплечью серповидным оружием, намереваясь остановить орка, но тот отмахнулся тарчем и абориген отлетел в сторону.

«Уи-ии!» – издав торжествующий визг, орк ухватил старого волхва за ногу и на вытянутых руках поднял в воздух. Старик повис вверх тормашками и беспомощно барахтался, пытаясь вырваться из лап монстра.

Орк знал, что человек, которого он схватил – староста туземцев, и, поскольку ему удалось сцапать вражеского военачальника, мог теперь порядочно возвыситься в общине орков.

Но в миг, когда монстр вновь схватился за топор, примеряясь к шее волхва, Широн издали мощно метнул в него копьё. Призраки или бактерии топор остановить не были способны, поэтому пришлось положиться на физическое оружие. Разумеется, бактерии он всё-таки распылил, причем практически в тот же момент.

Чвок!

Брошенное Широном копьё, вращаясь и рассекая воздух, попало в нужную точку – подмышку державшего старика на весу орка. Остальные участки тела были частично защищены кольчугой, но в этом месте, для удобства движений, была голая кожа.

Когда копьё вонзилось в подмышку воздевшего топор над стариком орка, он испустил странный вопль и выпустил лодыжку старика – попадание в уязвимую точку лишило руку силы.

Когда же разгневанный орк обернулся, сверкая налившимися кровью глазами, выпущенный Широном токсин начал воздействовать на его голову.

«Уииии!»

Ту-ум! – Орк схватился за стремительно разлагающуюся голову и повалился на спину.

Шасс! Шасс!

В следующую минуту на него, яростно размахивая серпами, налетели туземцы. Похоже, они собирались отомстить ему за все обиды.

Некоторые из них подбежали к старику – убедиться, что тот цел.

В это время Широн поспешно отзывал бактерии – будет ужасно, если вдруг туземцы пострадают от яда.

Затем он подскочил к аборигенам и прикрикнул: «У нас нет на это времени! Скорее, бегите к священной земле, пока нас не нагнали другие орки!»

В результате падения старый волхв потерял сознание, и речь Широма никто не понимал. Но по жестам и выражению лица, аборигены в общих чертах догадались, что он хотел сказать.

Один из туземцев что-то проговорил своим товарищам. Затем они похватили оружие, взвалили старика на закорки и отправились в путь.

Те, кто после жуткой атаки орка бросились наутёк, вновь по-очереди присоединялись к отряду, и к моменту, когда группа взобралась на гребень горы, отряд вновь увеличился до первоначальных размеров.

Туземцы отлично знали свой лес. Даже тёмной ночью они уверенно держали направление и после длительного перехода добрались, наконец, до места назначения.

Однако, вопреки ожиданиям, в «священной земле» не было решительно ничего необычного. Когда отряд перевалил через горный хребет и спустился в долину, им открылась уютная лощина, в центре которой обнаружился всего лишь аккуратно сложенный из камней вокруг пепельного векового дерева алтарь.

Трудно передать, насколько Широн был разочарован. Как бы он ни присматривался, это место близко не походило на виденное во сне. Поочерёдно хватая за руки одного туземца за другим, он спрашивал у них, точно ли это место – их священная земля – и нет ли на острове других таких мест, но, поскольку никто его речь не понимал, пользы от расспросов он не добился. В общем, не оставалось ничего, кроме как ждать, когда очнётся старый волхв.

Тем временем, туземцы проявили искреннюю заботу о больном – сорвали большие листья и, наполнив водой из родника, смочили губы волхва.

Они лишились домов, где родились и выросли. Друзья и семьи стали пищей для орков. Они толком не знали, ни что им теперь делать, ни как им выжить.

Единственное, за что они теперь могли хвататься, словно утопающий за соломинку – это старый волхв. Именно этот старик стал их надеждой.

Пока туземцы толпились вокруг старика, ожидая, что тот определит их судьбу, Широн присел у

круглого алтаря и посвятил себя отдыху. Всё равно, у него, как и у туземцев, не было иного выбора, как дожидаться пробуждения волхва.

Отдых был недолгим, но Широн посвятил его воспоминаниям о минувших сражениях с орками. Теперь он куда лучше понимал, насколько огромное влияние на исход битвы влияет наличие или отсутствие защиты вроде частокола. А ещё, на своей шкуре прочувствовал, что самой опасной является первая ночь после победы. Сегодняшний опыт должен был сильно помочь ему в будущих сражениях.

Широн вспомнил и о следовавших за ним по пятам герамеках.

О фактурности гада, вцепившегося в тяжеленного орка и поднявшего одного силой одной лишь шеи, о прочной шкуре, что без всякой дополнительной защиты выдерживала удары тяжёлых топоров, об острых когтях, рвавших весьма крепкую шкуру орков, словно бумагу...

Всё это было до ужаса поразительно. Мощь герамеков была настолько велика, что император-людоед Бартенкиум в своё время мог бы с их помощью стереть храмы Амека с лица земли.

«Но как тогда, в прошлом, я смог их с такой лёгкостью убивать? Я плохо помню те события, но если верить словам учителя, то я разрывал герамеков и пожирал их... как у меня получилось прокусить склизкую шкуру зубами, которую не берёт даже топор? Неужели дело в том, что я был одержим призраком Бартенкиума?»

Широн припомнил события тех дней и его передёрнуло. От одной мысли о поедании покрытой гноем плоти герамеков аппетит пропал напрочь.

<http://tl.rulate.ru/book/104928/3680308>